

Новоселов Юрий Д.

Латыши

**Очерки по этнографии и современной культуре
латышей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю70

Ю70 **Юрий Д. Н.**
Латыши: Очерки по этнографии и современной культуре латышей / Новоселов Юрий Д. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 72 с.

ISBN 978-5-521-25504-7

ISBN 978-5-521-25504-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

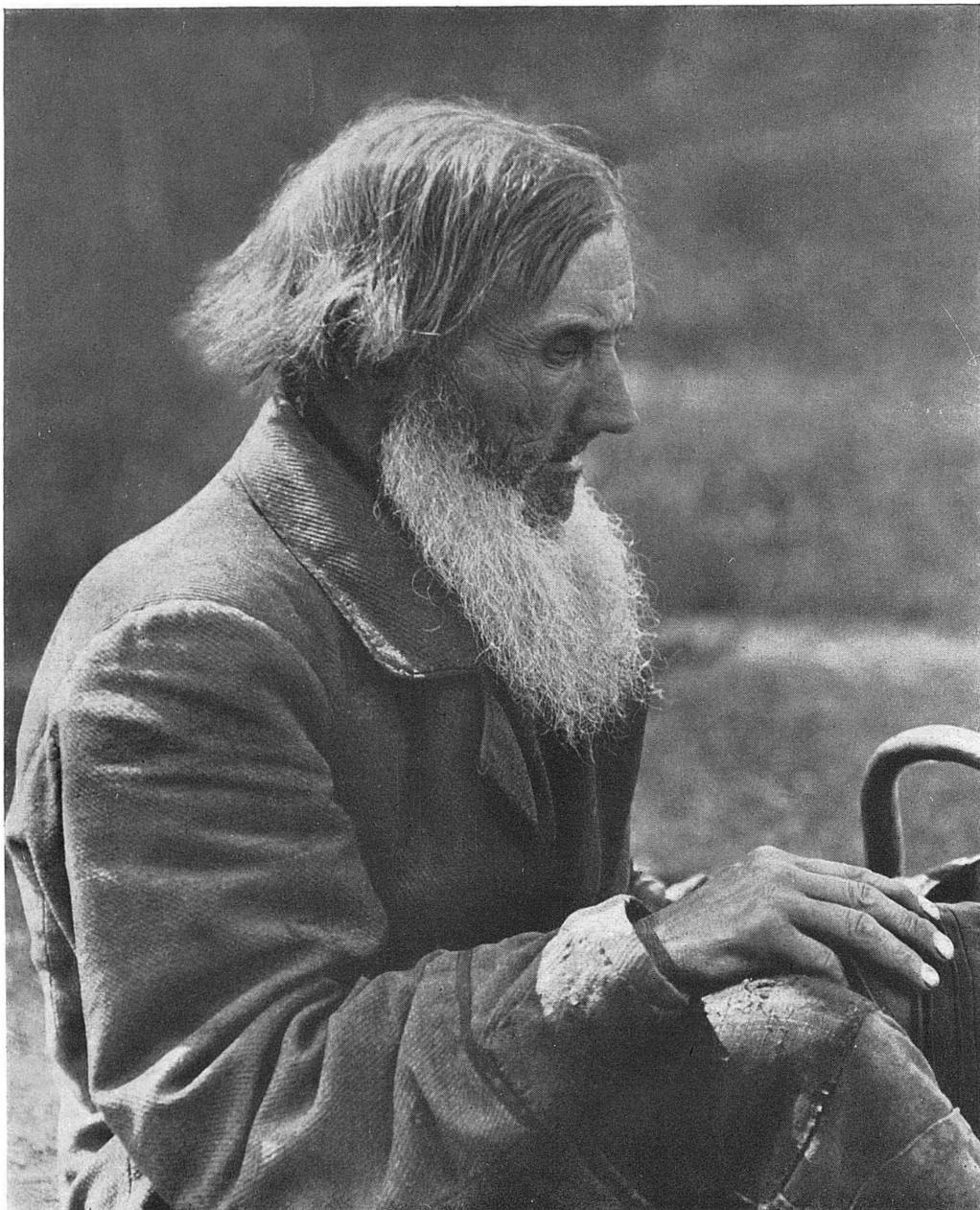
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

***„Каждая национальность, даже
самая маленькая, вносит свой вклад
в сокровищницу человеческого духа“.***

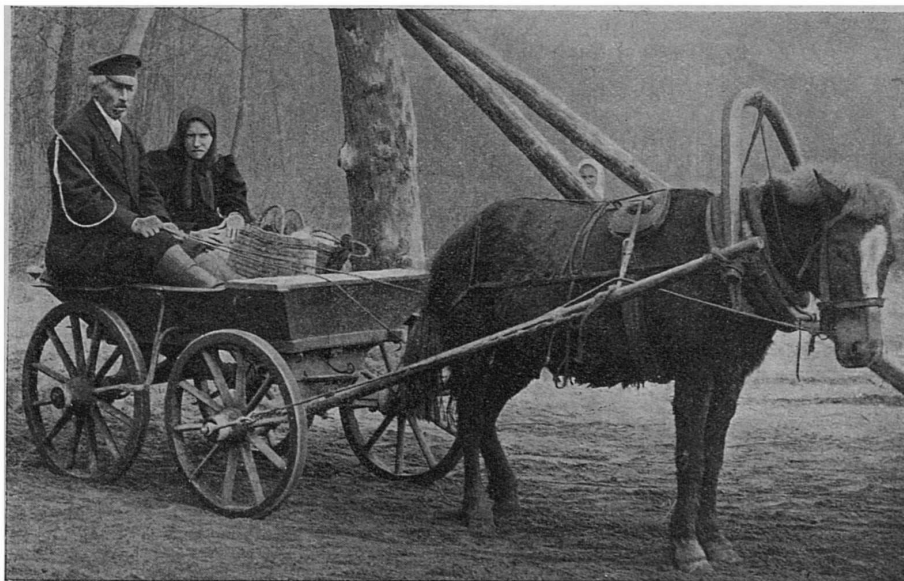
Проф. Д. А. Одсянко-Куликовскій.

ЛАТЫШЪ-СТАРИКЪ
КУРЛЯНДСКОЙ ГУБ.
фот. РЪКСТЪ.

Введеніе.

Латыши — прирожденный земледѣлецъ. Латыши и русскій народъ. Число латышей и территорія ихъ обитанія. Антропологическія особенности. Языкъ. Важнѣйшіе историческіе моменты въ связи съ земельнымъ вопросомъ.

ЛАТЫШИ лифл. губ. Ф. автора.

„Съ болью въ сердцѣ и тяжелымъ чувствомъ привожу я своихъ читателей къ тихимъ, обросшимъ мохомъ хижинамъ несчастья“. . . Такими словами начиналъ свое повѣствованіе о латышахъ историкъ 100 лѣтъ тому назадъ.

Въ настоящее время русскому человѣку, пріѣхавшему изъ центральной Россіи въ латышскій край, такія слова могутъ показаться ироніей. Жилище, поля, скоть, самая одежда латышей — все это вмѣстѣ взятое представится ему благосостояніемъ послѣ видѣннаго у себя на родинѣ.

Латышамъ, какъ народу, никогда не приходилось играть въ исторіи видной роли. Вся жизнь латышей протекала въ мирномъ трудѣ около земли, и всѣ ихъ интересы всегда сводились къ землѣ.

Поэтому тяготѣніе къ землѣ и борьба за нее, какъ мы увидимъ, проходятъ красной нитью по всей исторіи латышскаго народа. Латышъ не коммерсантъ, не ремесленникъ, не мореплаватель, военная слава его не прельщаетъ, латышъ — прирожденный земледѣлецъ, и въ справедливости такого заключенія можно убѣдиться по без-

конечнымъ и прекраснымъ латышскимъ народнымъ пѣснямъ, по загадкамъ, поговоркамъ и другимъ произведеніямъ народнаго творчества.

Для Россіи, какъ страны чисто земледѣльской, этотъ народъ заслуживаетъ особаго къ себѣ вниманія, тѣмъ болѣе, что,

ЛАТЫШКА ковенской губ. Ф. автора.

какъ мы увидимъ ниже, въ племенномъ отношеніи онъ является очень близкимъ родственникомъ русскому.

Въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются мѣста, говорящія о враждебномъ отношеніи латышей къ русскимъ, на примѣръ: „Я хотѣлъ бы русскую землю выжечь синимъ огнемъ“.

Но большинство произведеній народнаго творчества свидѣтельствуетъ скорѣе объ исконныхъ дружескихъ отношеніяхъ и даже родственныхъ связяхъ латышей съ русскими.

„За русскаго отдамъ я свою сестрицу.

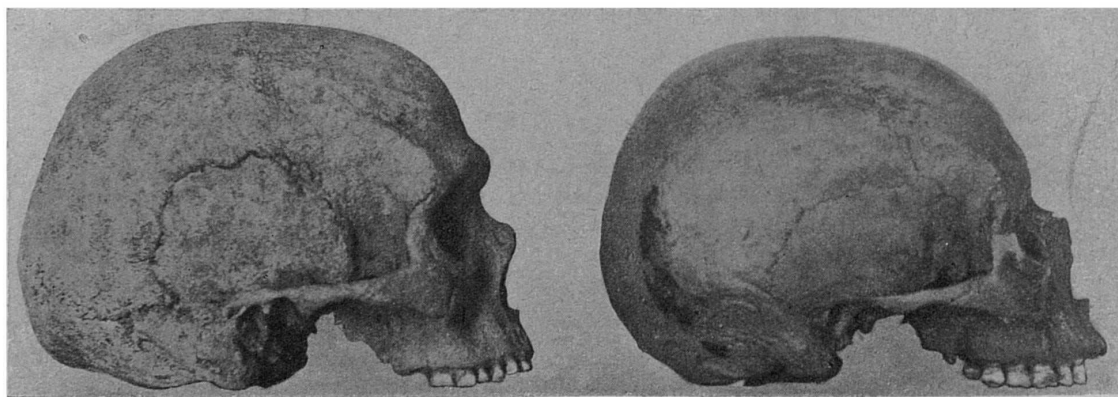
Въ Россію ли я поѣду — у меня родня“.

„На что мнѣ дѣлать то, что уже сдѣлано:

Русскій вытесалъ мнѣ жерновъ“.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр., А. Bielenstein'a, латыши являются коренными обитателями Прибалтійскаго края, но вѣрнѣе предположеніе, что они, какъ и другіе арійцы, пришли изъ болѣе южныхъ странъ (М. Силинъ). Необходимо тутъ же добавить, что наиболѣе древнимъ мѣстомъ обитанія латышей въ Лифляндіи считается болотистая низина Лубанскаго озера, находящагося на границѣ лифляндской и витебской губерніи (Клаустинъ).

Латышей всего насчитывается немного менѣе двухъ милліоновъ. Почти всѣ они живутъ въ Россіи, причемъ большинство (1.422.000) населяетъ курляндскую губ., южную половину лифляндской, западную часть витебской губ. и сѣверную часть ковенской губ. Въ незначительномъ числѣ латыши живутъ въ псковской губ., въ Польскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири и въ Средней Азіи. За послѣднее время они стали селиться и въ другихъ мѣстахъ Россіи, а также выселяться въ Ю. Америку. Въ Пруссіи латышей насчитывается всего лишь около 2-хъ тысячъ.

Черепы изъ могильниковъ латышскаго края. (МУЗЕЙ Рижск. Лат. Общества). Ф. автора.

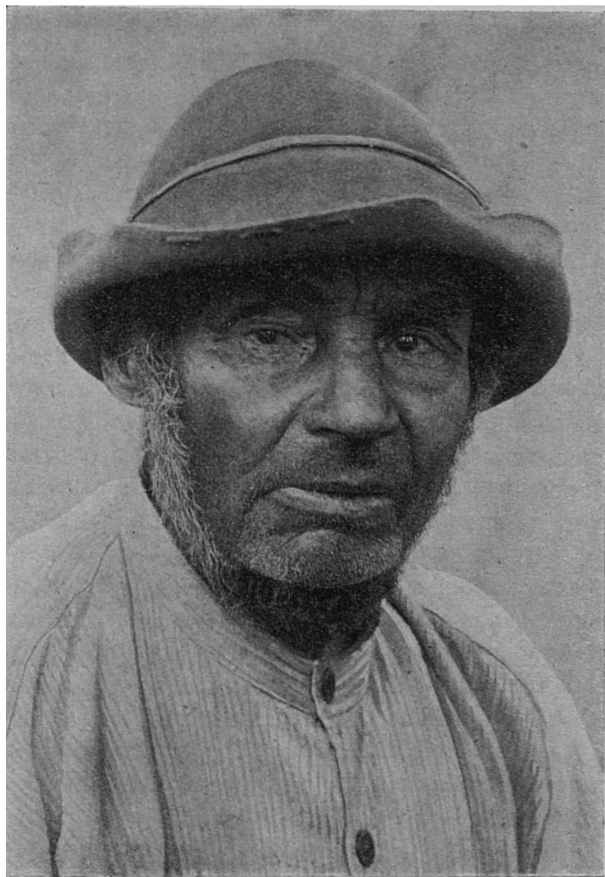
На основаніи данныхъ антропологіи, и главнымъ образомъ по языку, латыши причисляются къ литовскому племени.

Латышъ — средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; волосы русые, гладкіе, рѣдко вьющіеся, причемъ рыжіе и черные почти не встрѣчаются; лицо овальной формы, лобъ высокій, носъ прямой и часто длинный.

Но среди латышей попадаются лица совсѣмъ иного типа: съ выдающимися скулами, съ широкимъ угловатымъ лицомъ, съ волосами каштановаго цвѣта. Латыши перваго типа являются представителями литовскаго племени, вторые — потомки ливовъ, народа финскаго племени, сохранившагося до сихъ поръ въ болѣе или

менѣе чистомъ видѣ лишь на Курляндскомъ побережьи, около мыса Домеснеса, въ количествахъ 2—3 тысячъ человѣкъ.

Несомнѣнно, что раньше ливы жили во многихъ мѣстахъ нынѣшняго обитанія латышей, напр., по всей сѣв. Курляндіи, около Риги, Лемзала, Зегевольда. На это имѣются очень опредѣленные историческія указанія, а ливскія наименованія многихъ мѣстностей еще болѣе это подтверждаютъ. Ливскій народъ, давшій названіе Лифляндіи, не могъ исчезнуть съ лица земли въ такой короткій для исторіи промежутокъ времени: отъ прихода нѣмцевъ до нашихъ дней; а

Латышъ-финнъ ливл. губ. Ф. автора.

просто ливы, какъ народъ, уступавшій по численности латышамъ, ассимилировались съ послѣдними, усвоивъ ихъ языкъ. Но въ то же время ливы сохранили свои привычки, вѣрованія и многое въ домашнемъ быту, такъ что теперь среди латышей - литовцевъ не трудно распознать латышей - финновъ не только по типу и особенностямъ языка, но по всему укладу жизни и по характеру.

Латышскій языкъ вмѣстѣ съ литовскимъ и вымершимъ древне-прусскимъ составляетъ отдѣльную отрасль индоевропейскихъ языковъ; группу эту обычно называютъ „балтійской“.

Изъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ „балтійская группа“ стоитъ ближе всего къ славянскимъ языкамъ. На это родство указываетъ общность корней латышскихъ и русскихъ словъ. Напримѣръ: *дань* — *duot*, *день* — *diena*, *три* — *trīs*, *четыре* — *četri*.

Можно установить даже законы перехода однихъ звуковъ въ другіе. Такъ звукъ *u* корней русскихъ словъ въ латышскихъ переходитъ въ *au*, *x* въ *s*. Напримѣръ: *другъ* — *draugs*, *ухо* — *auss*, *сухой* — *sauss*. Латышскій языкъ различаетъ русскія *н* и *е*. Е неизмѣнно для обоихъ языковъ: *четыре* — *četri*, а русской буквѣ *н* соответствуетъ въ латышскомъ языкѣ *ai* или *ie*: *головѣ* — *galvai*, *снѣгъ* — *sniegs*.

До прихода нѣмцевъ латыши не составляли одного общаго государства, а жили разбросанно среди болотъ и лѣсовъ, подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ: князей (*kungs*), бояръ (*baļars*). Съ начала XIII столѣтія, когда Прибалтійскій край подпалъ подъ власть нѣмцевъ, наступаетъ новая эра въ жизни латышскаго народа. Крестоносцы — завоеватели страны — вмѣстѣ съ насажденіемъ христіанства совершенно поработили*) населеніе. Даже папы, проповѣдывавшіе крестовые походы, высказывались противъ притѣсненія и грозили отлученіемъ отъ церкви за насильственные дѣйствія; но ничто не помогало, и къ концу XV столѣтія все мѣстное населеніе сдѣлалось полною собственностью пришельцевъ**). Съ того времени туземцы стали именоваться „крестьянами“ (*Bauer, Paur*) или „наслѣдственными людьми“ (*Erbleute*), а вассалы въ актахъ этого времени — „дворянами“ (*Muižnieks, Hofmann, Nobilis, Adel*). Противъ бѣгства и свободнаго перехода крестьянъ на другія мѣста принимались самыя крутыя и радикальныя мѣры: пойманному по-просту „отсѣкали ногу“ (проф. Ясинскій).

Когда въ концѣ XVI вѣка край подпалъ подъ власть Польши, то король Стефанъ Баторій призналъ, что крестьяне „чрезвычайно угнетены, но улучшить положеніе ихъ не было въ состояніи“. Шведы, смѣнившіе поляковъ, энергично принялись за реформы.

„Густавъ Адольфъ запретилъ дворянамъ налагать произвольныя взысканія на крестьянъ за разнаго рода проступки, подчинивъ ихъ юрисдикціи земскихъ судовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянамъ предоставлено

*) Крестоносцы съ помощью латышей покорили ливовъ, куровъ и семигаловъ, которые были врагами латышей. Сами же латыши не были поработены нѣмцами, а примкнули къ послѣднимъ на основаніи договора. Силинь.

**) Латыши сдѣлались крѣпостными людьми не только нѣмецкихъ дворянъ, но и мѣстныхъ князей. Силинь.

было право жаловаться на притѣсненія и вымогательства дворянъ высшему надворному суду. Такимъ образомъ безграничной власти землевладѣльцевъ нанесенъ былъ серьезный ударъ, но все-таки этому королю не удалось провести въ жизнь всѣхъ своихъ гуманныхъ намѣреній.

Когда на престолъ вступилъ Карлъ XI, онъ указалъ дворянству на необходимость отменить крѣпостное право, объявивъ его противнымъ челоуѣческому достоинству и христіанской религіи. Но дворянство упорно стояло за крѣпостное право, что вызвало общее негодование въ Швеціи, и рейхстагъ, собравшійся въ Стокгольмѣ въ 1681 г., постановилъ немедленно произвести въ краѣ *редукцію*, т. е. отобрать въ казну имѣнія, которыя, будучи пожалованы частнымъ лицамъ на правахъ леннаго владѣнія, впоследствии неправильно были отчуждены или переданы по наслѣдству.

Въ редукціи видѣли единственное средство сломить противодѣйствіе дворянъ.

Приобрѣтенныя такимъ путемъ земельныя богатства правительство стало эксплуатировать посредствомъ отдачи ихъ въ аренду, причемъ арендаторами зачастую являлись прежніе владѣльцы имѣній; но ихъ дѣйствія по отношенію къ крестьянамъ были ограничены такими условіями, которыя могутъ рассматриваться, какъ шаги къ уничтоженію крѣпостнаго права. Всякій произволъ въ отношеніи повинностей и сборовъ съ крестьянъ сдѣлался невозможнымъ.

Усилія правительства, казалось, увѣнчались успѣхомъ: землевладѣльческой классъ ослабленъ, дворяне обращены въ подневольныхъ арендаторовъ казенныхъ имѣній, освобожденіе крестьянъ было близко къ осуществленію. Но правительство не разсчитало своихъ силъ, такъ какъ сплоченное дворянство энергично повело борьбу съ правительствомъ, стало уклоняться отъ исполненія правилъ редукціи, ходатайствовать и протестовать^{*)}. Но тутъ уже началась Сѣверная война, положившая конецъ шведскому владычеству.

Въ 1710 г. Остзейскій край перешелъ во власть Россіи.

„Съ самаго начала русскаго господства, лифляндское дворянство постаралось обезпечить себѣ прежнее земельное могущество.

По § 19 договора 1710 г. дворянству предоставлялось исключительное право покупки и пріема въ залогъ земельныхъ имѣній. Въ дальнѣйшемъ дворяне стали домо-

^{*)} Князь С. Мансыревъ. „Землевладѣніе въ Лифляндіи.“

гаться еще большихъ привилегій. Въ 1741 г. они добились указа, которымъ имъ предоставлялось исключительное право аренды казенныхъ имѣній“.

Послѣдующія измѣненія въ законодательствѣ по земельному вопросу были также не въ пользу крестьянъ.

Крутой поворотъ произошелъ со времени Екатерины II.

Въ 1764 г. Императрица предприняла путешествіе по Остзейскому краю, и отъ ея вниманія не удалось скрыть крайне бѣдственнаго положенія крестьянъ. Тогда Екатерина II предложила ландтагу рассмотреть вопросъ „о принятіи мѣръ къ прекращенію угнетеній и разореній, причиняемыхъ крестьянамъ“. Въ результатъ чего были изданы правила 1765 года, по которымъ запрещалась продажа крестьянъ на рынкахъ и супружескіе врозь, а также было обезпечено за крестьянами право собственности на движимое имущество.

Важный шагъ къ улучшенію быта крестьянъ былъ сдѣланъ русскимъ правительствомъ при Императорѣ Александрѣ I въ 1804 г. За крестьянами было обезпечено потомственное пользованіе землею, правда за вознагражденіе, но размѣръ его былъ урегулированъ. Положеніемъ 1819 г. была дарована крестьянамъ личная свобода, но отменено положеніе 1804 г.

Ю. Самаринъ считаетъ, что освобожденіе крестьянъ въ краѣ по закону 1819 г. является ухудшеніемъ ихъ положенія. Законъ 1804 г. признавалъ нераздѣльность крестьянъ съ землей, тогда какъ въ 1819 г. эта связь была уничтожена, и крестьяне лишились правъ на землю, а вмѣсто того имъ была дарована совершенно фиктивная личная свобода.

Проводя великую идею освобожденія крестьянъ, Императоръ Александръ II въ засѣданіи Государственнаго совѣта 28-го января 1861 г. указалъ на примѣръ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, „которое сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое“.

Почему же теперь на первый взглядъ намъ русскимъ кажется, что латышскій крестьянинъ благоденствуетъ, и дѣйствительно ли это такъ? Этотъ вопросъ старался выяснитъ извѣстный русскій общественный дѣятель князь А. И. Васильчиковъ. („Землевѣдѣніе и земледѣліе“). Онъ говоритъ, что нѣкоторые крестьяне въ Остзейскомъ краѣ „отличаются благосостояніемъ высшимъ, чѣмъ средній уро-

всѣхъ крестьянъ-общественниковъ въ Россіи; но такъ какъ рядомъ съ ними проживаютъ нѣсколько сотъ тысячъ бобылей (Lostreiber, vaļenieki) и безземельныхъ батраковъ (Kņechte, kalpi — холопы), то въ общей сложности, наоборотъ, выходитъ, что средній уровень народнаго благосостоянія въ Остзейскомъ краѣ несравненно ниже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ“. Далѣе онъ указываетъ, что германскіе ученые и публицисты, „принимая часть за цѣлое, восхваляютъ благодѣянія нѣмецкой культуры (der deutschen Cultur) и процвѣтаніе крестьянскихъ хозяйствъ точно такъ, какъ агрономы выставляютъ изъ своего поля гигантскіе колосья хлѣбовъ, не объявляя, сколько такихъ колосьевъ было въ полѣ“.

Выдающийся русскій историкъ, К. Д. Кавелинъ, изъ сложившихся отношеній между нѣмцами и латышами дѣлалъ самыя печальныя предсказанія на будущее. Онъ говорилъ: „Въ Прибалтійскомъ краѣ владѣльческіе классы принесли въ жертву будущее настоящему и навязали себѣ на ноги гирю, которая будетъ затруднять ихъ развитіе и подвергать серьезнымъ опасностямъ плоды ихъ долгихъ и просвѣщенныхъ усилій“.

Тотъ же историкъ искалъ пути и средства, какъ бы примирить помѣщиковъ и крестьянъ. „Можно съ полною увѣренностью сказать, — писалъ онъ — что чѣмъ самостоятельнѣе, независимѣе другъ отъ друга будутъ поставлены обѣ стороны, чѣмъ добровольнѣе, непринужденнѣе онѣ будутъ сближаться между собою подъ вліяніемъ взаимно тяготящихся ихъ интересовъ, тѣмъ ихъ органическое соединеніе и срастаніе произойдетъ скорѣе и правильнѣе“.

Бывшій министръ юстиціи и членъ Государственнаго Совѣта П. А. Манасеинъ, ревизовавшій въ 1882 и 83 г. Остзейскій край, назвалъ въ Высочайшемъ докладѣ эту окраину „Русскою Ирландіей“.

Еще не такъ давно Бордоносъ, знатокъ земельного вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ, писалъ, что „число безземельныхъ крестьянъ прогрессивно возрастаетъ въ то время, какъ число дворохозяевъ остается безъ измѣненія, и что безземельные, подъ гнетомъ тяжелаго матеріальнаго положенія, даютъ изъ своей среды наибольшій процентъ преступниковъ“.

И вотъ, невзирая на всѣ неблагопріятныя для латышей жизненныя условія, невзирая на печальные отзывы и роковыя предсказанія вполне компетентныхъ людей, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что благосостояніе латышскаго народа все-таки растетъ.

Многое изъ того, что было вѣрно высказано о латышахъ лѣтъ 30 тому назадъ, въ настоящее время теряетъ уже силу. Такая быстрая перемѣна происходитъ на нашихъ глазахъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ просвѣщенія, проникшаго въ широкія массы населенія.

Число безземельныхъ латышей дѣйствительно, какъ говоритъ Бордоносъ, возрастаетъ, но, какъ свидѣлствуютъ послѣднія статистическія изслѣдованія, „батраки стремятся въ города, гдѣ находятъ достаточныя средства для своего существованія на фабрикахъ и заводахъ. Кромѣ того, батраки переселяются во внутреннія губерніи, часто образуя тамъ цѣлыя поселки“.*)

Эти обстоятельства создаютъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ на мѣстахъ не только въ крупныхъ имѣніяхъ, но и въ крестьянскихъ усадьбахъ, и тѣмъ самымъ повышаютъ заработную плату. Нѣмецкія газеты даже бьютъ тревогу по этому поводу и призываютъ помѣщиковъ выработать мѣры „къ устраненію рабочаго кризиса въ имѣніяхъ“.

Съ увеличеніемъ же оплаты сельскаго труда матеріальное положеніе батраковъ стало улучшаться настолько, что многіе изъ нихъ успѣваютъ сколотить себѣ небольшой капиталъ для покупки или аренды земли. Что же касается латышскихъ дворохозяевъ, то многіе изъ нихъ въ настоящее время обладаютъ столь значительными участками земли и пользуются такимъ благосостояніемъ, что въ народѣ они получили вѣрное и мѣткое прозвище „сѣрыхъ бароновъ“.

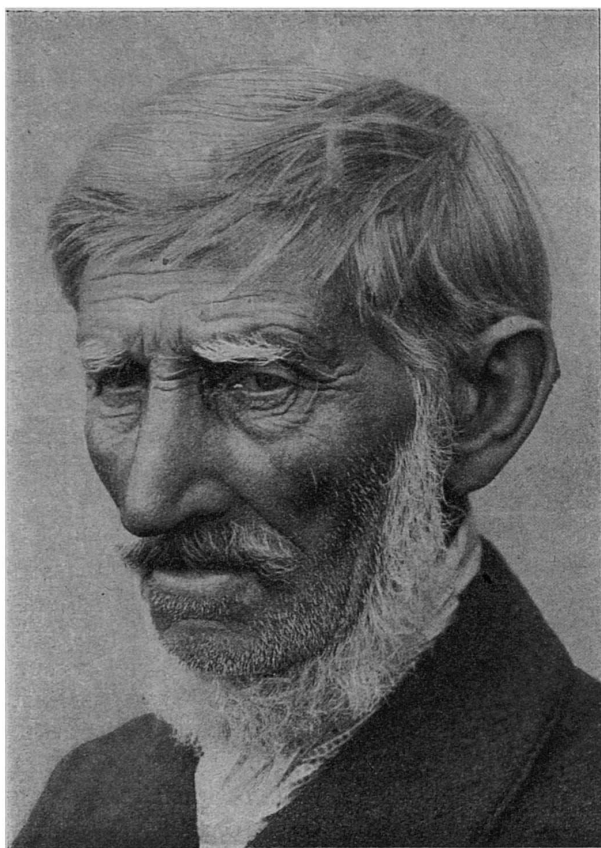
Къ этому нужно еще добавить, что многіе латыши, разбогатѣвъ, выдаютъ себя за нѣмцевъ и всѣмъ своимъ образомъ жизни стараются подражать нѣмецкимъ дворянамъ, отъ которыхъ они отличаются лишь отсутствіемъ именитой родословной.

*) Н. М. Степановъ. „Сельско-хозяйственные отношенія въ Курляндской губ.“ 1911 г.

Характеръ латышей.

Въ латышскомъ краѣ нѣтъ ни желѣза, ни каменнаго угля, ни другихъ какихъ либо ископаемыхъ богатствъ. Почва края также не отличается плодородіемъ. Поэтому здѣсь каждый кусокъ хлѣба добывается только неустаннымъ трудомъ. Этими условіями жизни и слѣдуетъ прежде всего руководиться при выясненіи характера латышскаго народа.

Нельзя также упустить изъ виду исключительно неблагоприятное для латыша теченіе историческихъ событій, лишившихъ его на 6 столѣтій*) единственной кормилицы —

ЛАТЫШЪ лифл. губ. Ф. автора.

земли, которой онъ даже не получилъ послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Отсюда проистекаютъ двѣ типичныя черты его характера: съ одной стороны трудолюбіе, съ другой недовѣрчивость. На первую черту очень опредѣленно указываютъ произведенія народной мудрости — латышскія поговорки. „Работать никогда не стыдно“, говоритъ одна изъ нихъ; другая прямо указываетъ на главное призваніе латыша: „Кто о землѣ радѣетъ, того земля питаетъ“. О второй чертѣ характера говоритъ извѣстный

*) Приблизительно съ введенія реформаци.
Силинъ.

каждому образованному латышу писатель начала прошлаго столѣтія, Меркель. По его мнѣнію, „рабская боязливость и недовѣрчивость — это самыя выдающіяся черты въ характерѣ лифляндскаго крестьянина“.

Латышъ не обладаетъ особой энергіей, у него нѣтъ пламеннаго темперамента южанина, онъ типичный флегматикъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно побывать въ латышскомъ театрѣ. Зрители очень хладнокровно сидятъ при самыхъ захватывающихъ моментахъ. Даже во время пляски латыши не оживляются: „они танцуютъ, какъ бы исполняя работу, съ серьезнымъ лицомъ, съ опущенными глазами, только ноги двигаются, да слегка покачивается голова“.

Про латыша часто говорятъ, что онъ упрямъ*) и грубъ. Дѣйствительно, упрямство свойственно латышу, особенно, если онъ чувствуетъ себя правымъ; но грубость латышъ кажется вслѣдствіе своей природной непривѣтливости. Латышскій народъ въ своихъ пословицахъ осуждаетъ всякую грубость и считаетъ, что она можетъ причинить больше страданій, чѣмъ физическая боль: „Отъ грубаго слова больше болитъ, чѣмъ отъ оплеухи“. „Все годится для ѣды, для питья, но не все годится говорить“. Народъ также осуждаетъ насиліе: „Коли хочешь обманывать, надувай, только не бери силой“. Народная мудрость требуетъ, особенно отъ мужчины, крѣпко держаться даннаго слова: „Мужчина при данномъ словѣ, что топоръ при топорѣ“. „Бездѣльникъ, кто обѣщаетъ, мужчина, кто исполняетъ“.

Латышъ отличается не только трудолюбіемъ, но и нетребовательностью. „Въ прихоти нѣтъ добра“, говоритъ латышская пословица. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ латышскомъ краѣ мы почти не встрѣчаемъ земледѣльцевъ другой національности. Попытки нѣмецкихъ помѣщиковъ приглашать къ себѣ въ имѣнія, взамѣнъ латышей, другихъ работниковъ, по большей части, оканчивались полной неудачей, хотя приглашались самыя культурныя земледѣльцы, на примѣръ, въ 1906 и 1907 г. приволжскіе нѣмцы. Послѣдніе предъявляли такія требованія относительно ѣды и отдыха, что въ концѣ концовъ ихъ пришлось снова замѣнить латышами.

Латышскій писатель Клаустинъ такъ характеризуетъ свой народъ: „Бѣдность, разобщенность мѣстности заглушили общественную жизнь, сохранивъ только самую простую

*) Черта, свойственная ливамъ.

Силинъ.

форму общежитія — семью. Историческія событія усилили такой порядокъ. Латышъ сталъ представителемъ разобщенной, закоружлой, трудовой семейной жизни. Семья — основа быта латышей, единственный ключъ къ пониманію психологіи народа, единственный вѣрный критерій всѣхъ явленій жизни. Въ кругу семьи латышъ — герой, мученикъ, мудрецъ, тихо-грустный семьянинъ, вдумчивый наблюдатель, если хотите — поэтъ, а главное, суровый и неутомимый работникъ. Поэзія семьянина, мораль семьянина, работа семьянина . . .

На хозяйственной жизни лежитъ рельефный отпечатокъ жизни семейной. Хозяйство — отдѣльный дворъ, на которомъ живутъ и работаютъ всѣ члены семьи и наемные рабочіе, составляющіе полный комплектъ примитивной хозяйственной организации. Отецъ — дворохозяинъ, мать — хозяйка, дѣти, отъ мала до велика, — работники, пастухи“

Слѣдуя совѣту латышскаго писателя, попробуемъ заглянуть въ латышскую семью, какъ намъ рисуютъ ее народныя пѣсни.

Отецъ — глава семьи. Въ домѣ всѣ должны безпрекословно ему повиноваться. Непокорнаго сына отецъ изгонялъ изъ дому. Онъ привязывалъ ему на спину топоръ и пучекъ соломы и какъ бы тѣмъ самымъ говорилъ сыну: „Иди въ лѣсъ, строй себѣ новое жилище“. Существуетъ указаніе на то, что глава семьи въ голодный годъ убивалъ слабыхъ дѣтей и дряхлыхъ стариковъ. Отецъ, занятый всецѣло хозяйственными заботами, всегда серьезенъ и не любитъ лишнихъ словъ, поэтому въ глазахъ всѣхъ домашнихъ, да и на самомъ дѣлѣ, онъ суровый властелинъ.

Душою семьи является мать. Все воспитаніе дѣтей лежитъ на матери. Даже взрослые сыновья, для которыхъ отецъ во всѣхъ своихъ поступкахъ служить примѣромъ, и отъ котораго въ работѣ они вполне зависятъ, все-таки въ своихъ личныхъ нуждахъ обращаются за совѣтомъ къ матери и дарятъ ее своею любовью.

Въ народныхъ пѣсняхъ очень поэтично сравнивается любовь отца и матери по отношенію къ дѣтямъ:

„На травѣ роса не такъ держится,
какъ на клеверѣ.

Отецъ дѣтей не такъ любитъ,
какъ матушка“.

Особенно сердечныя отношенія устанавливаются между матерью и дочерью. Рѣчь матери всегда ласковая и, какъ сол-

нышко, согреваетъ сердце дочери. Дочь ей платитъ тѣмъ же: она жалѣетъ ее, старается дать ей покой и отдыхъ, исполняетъ вмѣсто матери всѣ трудныя работы. Въ случаѣ смерти матери, оставшись при отцѣ, дочь считаетъ себя круглой сиротой:

„Лучше бы умеръ отецъ,
Нежели матушка.
Отецъ женится на другой,
А я останусь вѣчно сиротой“.

Выходя замужъ, дочь горько плачетъ, прощаясь съ горячо любимой матушкой. Замужняя дочь старается возможно чаще навѣщать мать, чтобы подѣлиться своими горестями и радостями.

Интересны въ латышской семьѣ отношенія между братомъ и сестрою. Братъ является другомъ и защитникомъ сестры. Пока сестра — дѣвушка, онъ зорко слѣдитъ, чтобы ее никто не обидѣлъ. Братья сѣютъ и даютъ сестрѣ ленъ, позволяютъ ей отлучаться отъ работы; съ помощью матери они готовятъ сестрѣ приданое и покупаютъ разныя украшенія. Красивыя и добрыя сестры — радость братьевъ, а богатые и хорошіе братья — гордость сестеръ. Если братья проявляютъ большую заботливость при выдачѣ замужъ сестры, то и сестра помогаетъ брату выбрать невѣсту, дѣвушку безупречную.

Сестры, особенно, если ихъ больше двухъ въ семьѣ, живутъ между собою не всегда мирно. Яблокомъ раздора обычно служитъ приданое матери, наслѣдницей котораго считаетъ себя старшая сестра, тогда какъ остальные сестры желаютъ приданое матери дѣлить на равныя части.

Ссоры постоянно происходятъ между двумя замужними сестрами, живущими въ одномъ домѣ.

Между братьями, если ихъ въ семьѣ нѣсколько, любовь и согласіе нарушаются при дѣлежѣ наслѣдства.

Старшій сынъ послѣ смерти отца получалъ въ домѣ власть его. Въ народныхъ пѣсняхъ есть опредѣленные указанія на то, что отцовскую землю дѣлили между собою всѣ сыновья, и что этотъ дѣлежъ обычно сопровождался раздорами въ семьѣ. У латышей до сихъ поръ сохранилась на этотъ счетъ пословица: „Спорять, точно землю собрались дѣлить“.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ также говорится, что землю получалъ старшій и младшій сынъ, тогда какъ средній долженъ былъ добывать себѣ ее самъ. Существуютъ также указанія, что землю получалъ младшій сынъ. Такую путаницу въ правахъ наслѣдства

въ народныхъ пѣсняхъ можно объяснить тѣмъ, что пѣсни собирались изъ разныхъ мѣстъ и являются отголоскомъ различныхъ эпохъ. Права же на наслѣдство могли быть не всюду одинаковы, и конечно, съ вѣками мѣнялись, даже въ одной и той же мѣстности. Несомнѣнно однако, что сыновья получали землю и почти все недвижимое имущество, а дочери приданое и „далекій путь“ (Tālu ceļu tautiņās).

Если отецъ умиралъ, и среди дѣтей не было ни одного сына, то замужняя дочь оставалась дома, и, такимъ образомъ, въ семьѣ оказывался чужой человѣкъ — „iegatnis“^{*)}. Положеніе мужа въ домѣ своей жены было самое тягостное. Его ненавидѣли, безпричинно оскорбляли, и всѣ только и думали о томъ, какъ бы поскорѣе отъ него отдѣлаться. Такая ненависть къ чужому человѣку весьма характерна для латышей, вообще относящихся подозрительно и недружелюбно ко всему чужому.

Подобная черта латышскаго характера является отголоскомъ древнихъ вѣрованій, въ силу которыхъ посторонній человѣкъ не могъ участвовать въ молитвахъ семьи у домашнего очага, считавшагося мѣстомъ обитанія душъ умершихъ предковъ.

Главное несчастье современнаго латыша — его склонность къ водкѣ, съ которой народъ познакомился давно, пристрастился къ ней, и въ концѣ концовъ, неумѣренное потребление отразилось пагубно на характерѣ цѣлыхъ поколѣній. Во хмелю латышъ дѣйствительно грубъ, болѣе того, можетъ сдѣлаться, какъ говорится въ латышской пословицѣ, „свирѣпѣ звѣрь“. Про горькихъ пьяницъ народная молва выражается очень рѣзко: „Пьянствуютъ такъ, что на головѣ вши лопаются“. Въ то же время народъ смотритъ на пьяницу, какъ на больного, невмѣняемаго человѣка: „Пьянаго человѣка надо стеречь, какъ ребенка“.

Темный народъ въ свое время придумывалъ даже способы борьбы съ этимъ зломъ.

*) Izgātnis = izgājeis = изгой.

Силинъ. ■

„Чтобы вызвать у пьяницы отвращеніе къ водкѣ, нужно взять монету и засунуть ее покойнику за губу, гдѣ она должна оставаться трое сутокъ. Послѣ этого слѣдуетъ вынуть монету, положить ее въ стаканъ водки и, продолжавъ тамъ трое сутокъ, заставить пьяницу выпить эту водку. Тогда онъ почувствуетъ сильное отвращеніе къ крѣпкимъ напиткамъ и броситъ пить“. Можно добиться тѣхъ же результатовъ и другимъ способомъ, а именно: „Соскабливъ ножикомъ налетъ съ монеты, пролежавшей нѣкоторое время во рту покойника, дать этотъ налетъ проглотить пьяницѣ“. Народъ выдумываетъ также характерныя загадки относительно пьянства: „Что дѣлаетъ умнымъ безъ ума, сильнымъ безъ силы?“ Отгадать не трудно — водка.

Даже въ молодыхъ годахъ дѣвушки уже боялись, какъ бы не получить мужа пьяницу. Когда онѣ отправлялись въ баню, то по старинному обычаю высказывали рядъ пожеланій относительно своего суженаго: „Боже, дай мнѣ такого мужа, чтобы онъ былъ ласковъ и мягокъ, какъ паръ въ банѣ, какъ вѣникъ банный, какъ липовый листочекъ, чтобы онъ не курилъ изъ трубки, не нюхалъ табаку изъ рога, не сорилъ деньгами, не пилъ водки“.

Итакъ, характеръ и нравы латышей въ сильной степени испорчены пьянствомъ, особенно среди фабричнаго, городского и пригороднаго населенія, но въ глухихъ мѣстахъ народъ еще сохранилъ свою самобытность и остался такимъ же, какимъ его рисуютъ намъ народные пѣсни.

Какъ ни печальна природа латышскаго края, какъ ни тяжелы для латыша вѣками сложившіяся условія жизни, тѣмъ не менѣе онъ любитъ свою родину, которую воспѣваетъ въ пѣсняхъ трогательными словами любви: „Боже, благослови латышскую землю, дорогую родину и весь Прибалтійскій край; гдѣ поютъ пѣсни латышскія дѣвушки, гдѣ собираются латышскіе парни, всѣмъ и всюду дай счастья.“

